

КТО ТАКИЕ КЕРЖАКИ

Последняя встреча

Иногда удаётся увидеть где-нибудь в общественном месте просто одетых, краснощёких, загорелых, с большими бородами мужиков, которые неуклюжестью и простотой поведения отличаются от других. Их в нашем обществе называют одним общим именем — кержаки. Встречаются бородатые мужики и одетые в длинные, до самих пят, платья женщины с покрытыми тёмными платками головами в больших чёрных лодках, медленно плывущих по Енисею. Кто же они такие, эти кержаки, где, как, чем и на что живут? Об этом мало кто из нас задумывается, и тем более, мало кто интересуется.

Продолжение, начало в №43,44

Он же второй раз всего в город выехал, ничего не знает, плохо в нём ориентируется, говорит, по тайге в сто раз легче ходить, там хоть ориентиры есть, здесь же все дома одинаковы. Приехал к знакомому, дальнему родственнику одного из жителей деревни, а тот на выходные, на два дня на дачу уехал и сидел Иван двое суток на третьем этаже на резиновом коврике возле квартиры. В городе больше никого не знает, идти некуда, вот и сидел с рюкзаком в руках, хозяйина ожидаючи. Вытащит хлеб, поест с луком и солью, запьёт водичкой дубчесской из бутылки и снова сидит. Соседи дважды милицию вызывали, те посмотрят на него, хоть и диковатый мужик, но ведёт себя тихо и вежливо, документы в порядке, и оставляют его в покое.

- Так он теперь выходит, домой едет?
- Да, и нам от него отставать никак нельзя. Пойду снова к нему, там шумно, вибрация большая от двигателей, но тоже сиденья все заняты.

Я снова смотрел в окно на быстро сменяющиеся енисейские пейзажи. Это раньше мы плавали на величаво идущих по реке пассажирских теплоходах и дизель-электроходах.

В Ворогово из Красноярска плыли чуть больше суток, обратно трое. Сейчас же вот такое скоростное судно на подводных крыльях ходит у нас на линии, сто шестьдесят пассажиров берёт и скорость развивает до семидесяти пяти километров в час, причём одинаково быстро идёт, что вверх по течению, что вниз. Плохо только то, что прогулочной палубы нет у него, рассматривать достопримечательности можно только со своего сиденья, да тесного тамбура между салонами, где всегда толкуются курящие мужики.

Ворогово нас встретило разноголосие местных мальчишек на берегу. Купальный сезон здесь только что начал-

ся, он был довольно не продолжительным, всего то от начала и до конца июля, и местные ребята не хотели упускать ни одного тёплого дня.

Они плавали, ныряли, качались на волнах подлетающего метеора, а некоторые даже, особо резвые и смелые, залазили на дебаркадер и ныряли оттуда, за что и получали шумные замечания от шкипера. Ругани и давки, как в Енисейске, здесь уже не было, пассажиры много выходило, зашло же всего несколько человек, теплоход далее заходил на бункеровку и затем следовал до Бора, где и оставался на ночёвку.

Родное село, когда-то я здесь жил, учился, бегал с пацанами на рыбалку и охоту, а сейчас вот, и ехать не к кому. Харлампиц тронул меня за рукав.
- Петя, пойдём к Кате Коровиной, ты же говорил, что она была дружна с твоей мамой.
- С мамой-то она была дружна, а со мной лишь здоровствуйтесь, да до свидания.

- Пойдём, пожилые люди проще, они в ночлеге никогда не откажут.

Бабушка Катя встретила нас как дорогих гостей, когда узнала, что мы едем с Сашей в верховья Дубчеса в поселение староверов. Она хлопотала с ужином и всё нас расспрашивала, почему же мы так поздно едем, весной лодок много выходило из Дубчеса и многие туда ехали, а сейчас уже давно не видать никого. Всё хозяйство у неё было запущено, разные старые вещи в хаотичном порядке стояли в ограде и бане как попало, даже непонятно было на первый взгляд их предназначение и зачем они теперь здесь нужны. Старший сын у

неё был ранее женат и проживал с семьёй в Ленинграде, но потом разошёлся и куда-то исчез из поля её зрения. Младший, Пашка был уже в возрасте, жил с ней в одном доме и своей семьёй не имел. Знал он технику и любил заниматься с ней, работал дизелистом на сельской электростанции, но была у него одна не хорошая привычка — мог в любое время уйти в запой на несколько дней. Со временем выгнали с работы, поэтому, наверное, и семьёй не обзавёлся, жил на материну пенсию, да рыбачил ещё, домашнего хозяйства его несколько не интересовало, когда садились за стол, он спросил у матери.

- Может за бутылкой сгонять, на мотоцикле я быстро слетаю, гости всё-таки к нам приехали?

- Они не к нам приехали, а проездом, у нас лишь переночевать останутся, а у меня от пенсии уже давно ничего не осталось, обойдёмся. Я постарался сменить тему.

- Павел, ты где это хариусов наловил, неужто на Порошиху едешь?

- Ну, а где же ещё, народу туда больно много, шастать стало, повывлаживали его, раньше-то бывало, за день ведро налавливал, а сейчас бегаешь, бегаешь, десятка полтора-два домой привезёшь, и то хорошо. Осень подойдёт, на зиму всё равно окуня поймаю, ни один год ещё без рыбы не оставался.

- А со стерлядьё как, купить на обратном пути себе можно будет?

- Да, думаю, что найдёте, вы у шкипера на дебаркадере спросите, он здесь всё про всех рыбаков знает, может и сам продаст.

В разговор вмешалась хозяйка.

- Вы ребята после ужина сходите на берег и посмотрите лодки, может, есть кто из Дубчеса, так и подвезёт вас.

Ответил Харлампиц.

- Мы с Иваном Килиным поедом, он сказал, что его повезут отсюда на Колокольню на тракторе, и он заедет за нами.

Мне не терпелось сходить посмотреть посёлок, всё-таки почти четыре года здесь не был, но с Харлампицем решили, что у нас обязательно будет время на обратном пути и посёлок посмотреть, и в родной дом заглянуть, и на кладбище сходить, где у меня брат с отцом похоронены, и с удочкой посидеть на берегу, детские годы вспомнить. Харлампиц был страстным рыболовом — удильщиком, и когда приезжал ко мне, то всегда меня сманивал на рыбалку.

Поспать в эту ночь нам пришлось совсем не много, около двух часов ночи у ворот ограды остановился колёсный трактор — «Беларусь» и мы, ещё не проснувшись, услышали глухой голос Ивана.

- Где тут мои попутчики?

Вещей у нас было совсем не много, у меня не большая спортивная сумка с длинным ремнём через плечо и в руках лёгкая собранная телескопическая удочка, у Харлампица старенький, потёртый рюкзак за спиной. Мы быстренько вскарабкались в прицепную колёсную телегу, а Иван попытался перед нами оправдываться.

- Поспать не дал вам, но торопиться надо, я уже месяц, как из дома уехал, да и вода в реке с каждым днём всё больше убывает, июль, жарко, дождей нет, итак проблемы будут в дороге.

Мы были только благодарны его торопливости, нам тоже хотелось как можно быстрее добраться до намеченной цели.

Колокольня оказалась небольшой кержацкой деревушкой, состоящей из полутора десятка жилых домов и множества хозяйственных построек, расположившейся на берегу Дубчеса. Мы приехали около четырёх часов утра, было уже совсем светло, а в это время здесь светло почти круглые сутки. Иван нас

Автор Петр Мохирев

попытался затащить в какой-то дом поспать, но мы отказались, не хотелось лишний раз приносить беспокойства незнакомым людям. Вскоре остались одни в небольшом лесном посёлке, вокруг царил тишина, и мы с интересом наблюдали, как пара крупных серых зайцев хозяйничала на овощных посадках в огороде.

- Петя, это же дикие зайцы пасутся и хорькуют на посадках капусты, пока собаки и хозяева дрыхнут, смотри, они и нас несколько не боятся, вот ведь вредители какие!
- Жаль, с собой фотоаппарата нет.

Харлампиц всё-таки не выдержал и швырнул в зайцев поднятый с дороги камень, те так же бесшумно, как и появились, исчезли в зарослях кустарника, прилегающего к огороду.

По натопанной тропинке мы спустились к реке. Первые солнечные лучи протягивались от северо-восточного горизонта и ощупывали в округе все окрестности. На фоне звенящей тишины заманчиво и азартно пели свои песни невидимые птички в прибрежных кустарниках, да с разных сторон доносилось однообразное пение кукушек. Время их кукования заканчивалось, эти сибирские певуны азартно и практически круглосуточно здесь поют в июне. С середины июля же, как только устанавливается жаркая погода, они замолкают и их теперь можно будет услышать только через год.

Из Дубчеса далеко к берегу уходила глубокая курия, наверное, это была старица реки и мы оказа-

лись как раз в том месте, где она граничила с быстрым течением основного русла. Возле огромного бревна, на самом берегу развели небольшой костёр и набросали в огонь сырой травы и веток тальника, чтобы было больше дыма, так как нас из прибрежной травы стали атаковать породистые голодные дубчесские комары. Нам хотелось быстрее закинуть в воду удочку, очень уж место выглядело заманчивым. Тщательно обработав себя антикомаринной аэрозолью, зашли в тальниковые заросли, расковыряли палками землю и через некоторое время, изрядно попотев и намутившись, нашли-таки несколько тонких, бледно-розовых дождевых червей.

- Саша, да на таких червей мы даже лягушку голодную не поймает.

- Если рыба есть, поймает.

Да, рыбы здесь было много, она никак не хотела упускать проплывающего мимо, хоть тощего и невзрачного, но, очевидно вкусного для неё, червя. В стоячей воде курьи, с круто уходящем вниз берегом, попадались довольно крупные подъяздки, а на выходе курьи, поближе к границе между течением и стоячей водой, азартно клевали окуни. Вытащив из воды нескольких рыбок, и, видя, каким блестящим рыболовным азартом горят глаза у моего напарника, отдал удочку ему и больше на неё и не претендовал. Пойманных рыб тут же надевали на срезанный талиновый прут, поджаривали на угле, затем подсаживали и ели. После такого завтрака мы с удовольствием растянулись на брошенные у костра куртки.

- Петя, я такой рыбалки с детства не видел, ведь как закинешь удочку, так сразу же и клюёт, это же мечта любого рыболова, здесь рыбы можно поймать сколько угодно, такое впечатление, что её здесь немерено, ловишь её как из бочки.

Продолжение следует
Петр МОХИРЕВ,
г. Лесосибирск

